

ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА В ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

PERSONALITY AND SOCIAL GROUP IN MILITARY PSYCHOLOGY

DOI: 10.25629/RMPJ.2024.04.06

УДК: 159

ХРОНОТОП ВОЙНЫ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ОПТИКА ДЛЯ АНАЛИЗА
ПОКОЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Караяни А.Г.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация

Статья посвящена изучению социально-психологических характеристик поколения специальной военной операции через призму теоретического конструкта «хронотоп войны». Доказывается, что военное поколение составит элиту и главную созидательную силу послевоенного российского общества. Обосновываются задачи российского психологического сообщества по строительству будущего России.

Ключевые слова

хронотоп, хронотоп войны, поколение,
поколение специальной военной операции

Об авторе

Караяни Александр Григорьевич,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры военно-политической работы Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

Введение

Один из самых известных в истории человечества командиров-психологов – Герой Советского Союза Бауыржан Момышулы в своем бесценном, для военной психологии, труде «Психология войны» писал: «Война – частное и временное, но самое критическое явление в жизни человека. Она на долгие годы решает судьбу его родины, судьбу его народа. Народ бессмертен. Война – великий экзамен народной мощи и воли. Сколько бы ни длилась она, являясь потрясающим событием в человеческой жизни, оставляет лишь глубокий шрам. Через десятилетия, подлечив рану, народ продолжает жить, он не погружается и не утопает в бездне войны, а стоит выше – над войной, строит, руководит, движется вперед»... «Опыт Великой Отечественной войны еще раз убедил нас, что в конечном счете живые люди – солдаты и офицеры – решают все, они в первую очередь подвергаются испытаниям боя, но они являются и творцами побед» [14, с. 89–90].

Сегодня, когда продолжается специальная военная операция российских войск на Украине, очень важно понимать, что «война временна», а «народ бессмертен» и, что люди – солдаты и офицеры, подвергающиеся испытаниям боя – являются творцами победы и созидателями будущего. Именно поколение специальной военной операции будет строить послевоенный мир, продолжать великую историю нашей страны.

К сожалению, психологических работ, посвященных исследованию послевоенного будущего нашей страны, оценке потенциальных субъектов его созидания, практически нет.

Настоящая статья посвящена изучению основных социально-психологических характеристик «поколения СВО» как главного актива построения будущего России с привлечением методологической оптики концепта «хронотоп войны».

Ход и результаты исследования³

Западная цивилизация, как отмечают исследователи, переживает сегодня глубочайший кризис. И специальная военная операция (СВО) является порождением, неким символом и одновременно катализатором этого кризиса. СВО выполняет для нас роль беспристрастного зеркала, в котором отражается западная цивилизация, отказавшаяся от бога, от природы, от семьи, от нравственности, а также индивидуальная и коллективная реакция выживания, которая сегодня реализуется по схеме «бей, беги, замри». И мы являемся свидетелями того, что в ходе СВО формируется или проявляется своеобразный хронотоп, который А. А. Ухтомский [20; 21], М. М. Бахтин [3] и В. П. Зинченко [8] понимали как некое неразрывное единство, интеграцию времени и пространства, которое порождает определённую событийность и психологические реалии.

А. А. Ухтомский, показавший различие физического и психологического времени, и предложивший термин «хронотоп» для означения диады «пространство-время», показал, что психологическое время обладает уникальными свойствами, например, свойством возобновлять переживания и образование специфических доминант [20]. Он подчеркивал, что «с точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [21, с. 267].

В. П. Зинченко рассматривал хронотоп как «живое измерение пространства и времени, в котором они нераздельны», как одновременную «овремененность пространства» и «пространственность времени» [8]. По его мнению, хронотоп – это «метафора, удачно описывающая живой пространственно-временной континуум, в котором протекает развитие человека, понимаемое как уникальный процесс в составе космоса» [Цит. по: 16, с. С.3].

При этом «единство указанных координат – основа переживания человеком (здесь и сейчас) реальности собственного бытия; пространство в отдельности, как и время в отдельности – лишь «тень реальности» [2, с. 244].

Важным для нашего исследования является понимание того, что именно восприятие времени и пространства как двух ключевых категорий в значительной мере определяет картину мира. Как отмечает А. Я. Гуревич «Мы подчас не сознаем, что пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково» [6].

³ При подготовке данной работы учитывалось устное выступление автора на 18-м Санкт-Петербургском Саммите психологов, 2 июня 2024 года «Поколение СВО – психологический актив созидания будущего России». URL: https://vk.com/psy_su (дата обращения: 12.12.2024).

Из-за специфики восприятия «пространства-времени» разными социальными группами и слоями в хронотопе как бы действуют разные векторы психологического, исторического времени, устремленные в прошлое, настоящее, будущее. Т. Ю. Базаров, вслед за Августином Блаженным дополняет перечень этих временных векторов и позиций состояниями: «настоящее прошлое», «настоящее настоящее» и «настоящее будущее» (Базаров).

Перечисленные положения дают ключ к пониманию феномена *хронотопа войны* как неразрывного единства пространства и времени войны, задающего определенную психологическую реальность, боевую и социальную событийность.

Рассмотрение специальной военной операции через призму хронотопа войны позволяет выделить ряд феноменов, связанных с временем, пространством и протекающими в них событиями.

Так, различные социальные слои нашего общества по-разному воспринимают пространственно-временные характеристики ситуации СВО и, по существу, ощущают себя в разном *времени*. Субъективное ощущение себя в разных временных потоках формирует у людей разные жизненные горизонты, ориентиры, разные мотивационные тенденции, разную энергию действий. Несмотря на то, что сегодня подавляющее большинство россиян устремлено своими мечтами, надеждами в будущее, движимо верой в скорейшее и успешное окончание СВО⁴, есть те, кто замер в настоящем, и те, кто развернулся в прошлое. Мы можем констатировать, что члены нашего общества в какой-то степени разьединены в континууме психологического времени.

Не менее противоречивая ситуация отражается и в *пространстве* хронотопа войны. Анализ интернет-публикаций, выступлений коллег и других специалистов позволяет констатировать что проявляющиеся разнонаправленные тенденции на единение и разобщение ведут к образованию различных слоёв и групп социума (рис. 1.).

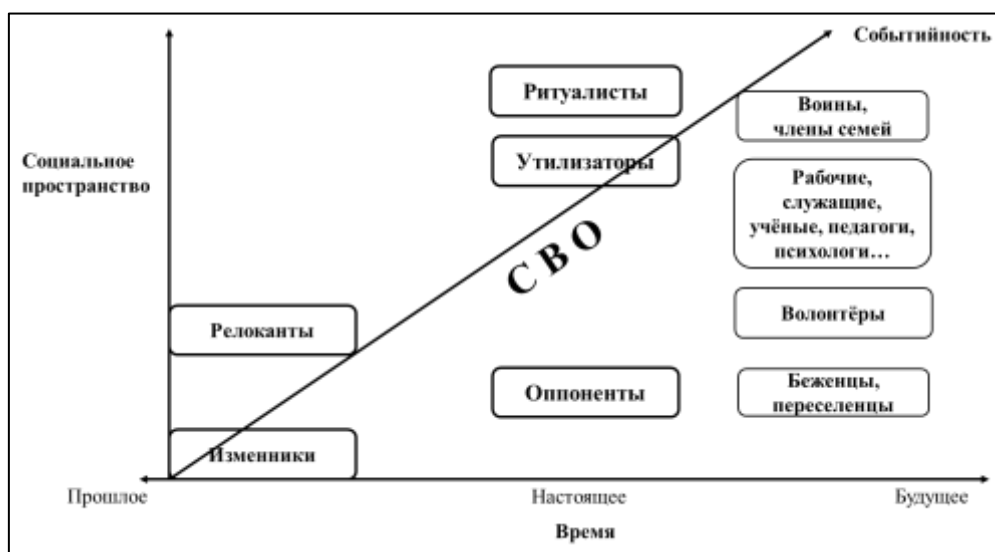

Рисунок 1 – Хронотоп войны

⁴ По данным опросов ВЦИОМ, после объявления о начале специальной военной операции, россияне в большинстве своем поддержали это решение – 65%, спустя год показатель увеличился до 68% и остаётся таким и в 2024 году. СВО сыграла значительную роль в консолидации российского общества. Эта ситуация стала вызовом, который сплотил людей вокруг общих ценностей и национальных интересов. Сегодня семь из десяти опрошенных согласны с тем, что каждый россиянин должен вносить посильный вклад в успешное завершение СВО России на Украине (72%). Две трети россиян также поддерживают и тезис о том, что сейчас нужно жить по принципу «Все для фронта, все для победы!» (64%). См.: Специальная военная операция: два года спустя. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 23.12.2024).

Наряду с большинством общества (воины, члены их семей, рабочие, служащие, ученые, педагоги, волонтеры, беженцы, переселенцы и др.), желающим достижения целей СВО, последующего восстановления мирной жизни, построения сильной и суверенной России и делающим для этого все возможное в наличных обстоятельствах, существуют так называемые «ритуалисты», которые демонстрируя внешнюю активность, самоустранились от участия в жизни страны, «утилизаторы» – те, кто использует ситуацию для получения личной выгоды, «оппоненты» – те, кто ведет бесконечные дискуссии на тему «кто прав и кто виноват», «фелоканты» – те, кто сбежал из страны, чтобы переждать сложные времена, и «изменники» – те, кто помогает противникам нашей страны материально, информационно или физически, участвуя в боевых действиях против российской армии, совершая террористические акты на нашей территории.

Члены этих групп, очевидно, отличаются образами мира, мотивами, смыслами, способами своей повседневной деятельности.

Таким образом и социальное пространство сегодняшней России неоднородно и разноравнено. Перечисленные и другие пространственно-временные характеристики обуславливают особенности модусов *событийности*.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что СВО стала самым масштабным, ожесточённым и кровопролитным военным событием после Второй Мировой войны. Действительно, протяжённость линии боевого соприкосновения составляет около 2000 км [17], боевые действия отличаются высокой интенсивностью. Наши бойцы ежедневно подвергаются или находятся в состоянии постоянного ожидания боестолкновений.

Противоборствующие стороны применяют самое современное и мощное из имеющегося сегодня в мире конвенционального оружия⁵. Нередко оружие, которое еще утром считалось перспективной разработкой, вечером уже вступает в бой.

Нам противостоит самый сильный на сегодняшний день противник. Под видом наёмников против нас нередко действуют бойцы элитных спецподразделений натовских государств. Они обнаруживаются не только в составе диверсионных групп, но и в экипажах танков, в расчётах систем ПВО. Они добывают и доводят до войск разведывательные данные с помощью спутников, стратегических беспилотников, самолётов-разведчиков, обучают солдат противника и т. д.

Что касается украинской стороны, то это мотивированный, подготовленный, жестокий, близкий нам по языку и общей истории противник. И эта близость запускает механизм нарциссизма малых различий, который придаёт противоборству некоторые свойства гражданской войны, такие как особая эмоциональность, нетерпимость, ожесточенность и бескомпромиссность [7].

Продолжительность участия наших войск в боевых действиях также превышает прогнозированные ранее «психологически безопасные» временные рубежи в 180–240 дней [23]. То есть представление о 6–8-месячном пределе пребывания в зоне боевых действий, после которого наступает обвальная психотравматизация комбатантов, оказалось несостоятельным. Некоторые участники, прежде всего от ДНР и ЛНР преодолели 10 летний период непрерывной и интенсивной боевой жизни, а основная масса российских военнослужащих – почти трехлетний период. Необходимо признать, что участники СВО испытывают колоссальную, нередко запредельную боевую и психологическую нагрузку.

Новым мощным психотравмирующим фактором на СВО является абсолютная прозрачность и чрезвычайная чувствительность боевого пространства. Эффекты прозрачности и чувствительности достигаются за счёт применения огромного количества боевых спутников, беспилотников, видеокамер, расположенных на различных объектах, датчиков звука, движения и

⁵ По оценкам Президента Российской Федерации, например, при массированном применении ракет системы «Орешник» мощь удара «будет сопоставима с применением ядерного оружия» ... «Все, что находится в эпицентре взрыва, разделяется на фракции, элементарные частицы, превращается, по сути говоря, в пыль». См.: Путин заявил о разрушении целей «Орешника» на «элементарные частицы». URL: https://www.rbc.ru/politics/28/11/2024/6748452a9a794707d73e4080?from=from_main_6 (дата обращения: 23.12.2024).

т. д. [10; 11]. Сегодня в боевом пространстве нельзя перемещаться, не предпринимая специальных мер по обеспечению маскировки, мер безопасности. Возникающая чрезвычайная и неотступная настороженность не может не сказываться на психическом состоянии участников боевых действий, порождает психологический эффект «витринности», чувство постоянной, трудно преодолимой опасности, специфическое «гезелл-состояние» (состояние нахождения под постоянным контролем невидимого противника) [12].

В ряде публикаций показано, что уже нередки случаи, когда наши воины вступают в схватку с роботизированными системами противника. При этом они абстрагируются от того, что где-то находится оператор, который управляет этим роботом или какая-то программа управляет им. Они приписывают этому роботу, своеобразному «робочелу», человеческие качества. Тут открывается новая психологическая реальность, которая должна быть всесторонне исследована психологами. Если сегодня преимущественно говорится об искусственном интеллекте как о некоем явлении в области информационных технологий, то в ходе СВО он уже материализован и представляет собой даже не просто средства вооружения, а воспринимается специфическим субъектом боевых действий.

В литературе отмечается, что российские военнослужащие в ходе выполнения служебно-боевых и боевых задач испытывают сильное деструктивное информационно-психологическое воздействие противника, которое не только искажает боевую реальность, но и создаёт множество параллельных и пересекающихся виртуальных реальностей, в которых им приходится повседневно существовать.

Таким образом, формирующийся в ходе СВО хронотоп войны отражает специфические, крайне неблагоприятные психологические и социальные условия, и для успешных действий в этих ситуациях требуется кардинальная перестройка нервной системы, психики, поведения военнослужащих для выживания в условиях повседневной смертельной опасности, новизны неопределённости и противоречивости событий. И такая перестройка идёт непрерывно в рамках процесса комплексной адаптации к боевым условиям. Как известно, в процессе такой адаптации под потребности боя перестраивается мозг – возникают тысячи новых нейронных связей, новые нейронные контуры, регулирующие боевое поведение. Угасают нейронные связи мирного времени. Активизируется симпатический отдел вегетативной нервной системы. Меняется гормональный состав крови. Здесь образуется своеобразный стрессовый коктейль, обеспечивающий поведение, нацеленное на выживание. Формируются боевые рефлексy на основе врождённой схемы «Бей! Беги! Замри!». Новые привычки вписываются в режим военной жизни. Включаются и тренируются те группы мышц, которые необходимы для тяжёлой боевой работы. Кардинально меняется система ценностей, набор социальных ролей и возникает новая идентичность человека – идентичность «бойца – члена боевого коллектива» [9; 10; 11; 12].

Серьёзным адаптационным изменениям подвергается и психика других членов нашего общества, скажем, волонтёров, которые круто изменили свою деятельность, свои ценности, свои повседневные дела, которые зачастую выезжают в зону боевых действий и подвергаются смертельной опасности, а также психика тружеников тыла, порой работающих в три смены на оборону страны, и других категорий граждан.

Это позволяет успешно решать огромный круг задач в разных областях обеспечения безопасности страны.

Так, наши профессиональные военные, мобилизованные и добровольцы демонстрируют на поле боя самые достойные морально-психологические и боевые качества: высокое профессиональное мастерство, мужество, высокую ответственность за выполнение поставленных задач.

О высокой патриотической мотивации наших воинов говорит то, что за период с февраля 2022 года по декабрь 2024 года 330 участникам СВО присвоено звание Героя Российской Федерации⁶. Военные историки подсчитали, что по количеству присвоенных званий Героя страны

⁶ Список Героев Российской Федерации (участники СВО). URL: [https://znanierussia.ru/articles/Список_Героев_Российской_Федерации_\(участники_СВО\)](https://znanierussia.ru/articles/Список_Героев_Российской_Федерации_(участники_СВО)) (дата обращения: 24.12.2024).

специальная военная операция на Украине занимает третье место после Великой Отечественной и Советско-финской войн. Героев уже стало больше, чем в 1941 году. Многие сотни тысяч воинов награждены государственными и ведомственными наградами. Этих людей Президент Российской Федерации В. В. Путин называет истинной опорой и бронёй России [18].

Изучение материалов СМИ и социальных медиа, отражающих ситуацию, связанную с СВО, свидетельствует о том, что героизм, достойный подвиги тружеников тыла Великой отечественной войны демонстрируют рабочие, служащие, инженеры, изобретатели, создатели и работники добровольных трудовых коллективов, «народного ВПК».

С начала СВО они добились увеличения производства⁷: ракетно-артиллерийского вооружения – в 22 раза, средств радиоэлектронной борьбы и разведки – в 15 раз, боеприпасов и средств поражения – в 14 раз, – авиационной техники и беспилотных летательных аппаратов – в 4 раза, бронетанкового вооружения – в 3,5 раза, автомобилей – в 7 раз. Создается мощная технологическая основа для динамичного послевоенного развития всей нашей экономики.

СВО, по существу, революционизировала волонтерское движение России. По данным Росмолодежи сегодня в России действует 13,7 млн волонтеров, объединенных в более 80 тыс. добровольческих организаций. Это преимущественно молодые люди (20-35 лет). В волонтерском движении страны широко представлены школьники, студенты, жены и другие родственники участников боевых действий, рабочие, служащие, учёные, педагоги, деятели культуры и даже пенсионеры. Волонтеры – это достояние, опора для страны. Они, по оценке Президента Российской Федерации В. В. Путина, «своим примером, своими свершениями ... буквально вдохновляют тех, кто рядом. Рождают чувство единения и верности, гордости за наших современников, гордость за Россию».

Многотысячный отряд волонтеров вносит огромный вклад в решение оборонных задач. Только за первый год СВО (с февраля 2022 г. по июнь 2023 года) помогать в ДНР, ЛНР, Херсонскую и Запорожскую области за год поехали 2,7 тысячи человек. За это время проведено 222 миссии. Только силами волонтеров Общероссийской акции взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ: более миллиона тонн питания и воды направлено жителям ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей, а также военнослужащим СВО, около 400 тысяч семей военнослужащих получили помощь волонтеров, под шефство взяты тысячи семей для постоянного сопровождения. Волонтеры оказывают психологическую поддержку, которую может получить любой житель России, позвонив по горячей линии. По всей стране развернуто более 3,5 тысячи штабов #МЫВМЕСТЕ, в которые ежедневно поступает гуманитарная помощь от неравнодушных граждан. Эта помощь направляется как бойцам СВО на передовую, так и мирным жителям [5].

Изучение деятельности объединённых в десятки сообществ волонтеров-психологов показывает, что они изо дня в день оказывающие безвозмездную помощь ветеранам СВО, членам их семей, беженцам из зоны военных действий, собирают, отправляют и лично транспортируют грузы, необходимые нашим воинам, реализуют десятки патриотических акций, нацеленных на сплочение нашего общества.

Резюмируя сказанное выше, можно констатировать, что подобно тому, как в условиях огромного давления, высочайшей температуры и без доступа воздуха образуется прочнейшей на Земле минерал – алмаз, в ходе СВО формируются новое поколение нашего общества – «поколение СВО».

В соответствии с теорией поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоу, поколение – это совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет, или одну фазу жизни: детство, молодость, средний возраст и старость [25]. Авторы теории выделяют три критерия поколения: 1) представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху, то есть сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями, находясь на тех же жизненных фазах; 2) они разделяют определенные общие

⁷ Путин раскрыл данные о росте объема производства боеприпасов в России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/05/2024/6651eb949a7947f8e5a06b74> (дата обращения: 24.12.2024).

убеждения и модели поведения; 3) зная об опыте и особенностях, которые они разделяют со своими ровесниками, представители одного поколения также будут разделять и чувство принадлежности к данному поколению. Люди, родившиеся на стыке поколений (3-5 лет от условной границы между ними), образуют так называемую «пограничную» группу. Они могут обладать характеристиками как своего поколения, так и ближайшего.

Таким образом, к одному поколению могут относиться люди возрастного интервала, примерно в 30 лет. Как известно именно представители такого возрастного интервала (от 20 до 50 лет) составляют основу действующих в районе СВО воинских подразделений и частей, трудовых коллективов в тылу и волонтерских сил нашей страны. И тем не менее, говоря о «поколении СВО» мы имеем в виду не классическое понимание поколения, ограниченное какими-то календарными рамками, а социальный слой (группу) людей, отвечающую описанным выше критерием поколения и, самое главное, входящие в него люди имеют определённые общие убеждения и модели поведения, а также испытывают чувство принадлежности к одному сообществу.

Очевидно, что СВО, как и всякое военное или социальное событие, имеет своё начало и конец. Рано или поздно, выполнив возложенные на неё задачи, она завершится и перед государством, обществом, профессиональными организациями встанет задача громадной важности – обеспечить продолжение жизни, формирование нового послевоенного общества, нового уровня жизни. И тут откроется огромное поле деятельности для психологов. Сегодняшнее время дает нам уникальный шанс приобщиться к делу поистине исторического масштаба, продемонстрировать обществу созидательный потенциал психологии, доказать свою профессиональную состоятельность стать субъектами строительства послевоенного будущего для себя, для своих детей, для страны в целом.

И если психологи не сделают этого, не помогут своему народу в тяжелый и судьбоносный период его существования, то встанет вопрос о социальной ценности психологического сообщества.

Как было показано выше, сегодня в России сформировался мощнейший ресурс созидания – поколение СВО. И важнейшей задачей всего общества и, в значительной степени, – психологического сообщества является сохранение и маршрутизация мощного энергетического заряда этого поколения, его обращённости в будущее, мотивации достижения, ответственности перед страной, готовности к самопожертвованию ради будущей жизни. То есть превращение этого поколения в психологический актив послевоенного созидания России, актив, отражающий интересы народа, его надежды на будущее, способный показывать пример служения своей стране.

Это предполагает решение ряда масштабных задач, среди которых важнейшее место займут и психологические, и социально-психологические, и медико-психологические, и другие задачи.

Среди таких задач видится целенаправленное научное исследование психологической реальности СВО в специфике её влияние на комбатантов и ветеранов, на широкий круг наших граждан, так или иначе тесно соприкасающихся с СВО.

К сожалению, мы ещё живём в плену авторитета американских заблуждений и, как сегодня выясняется их же серьёзными учёными, не всегда добросовестных исследований психологических последствий войны.

Достаточно сказать, что эксперты установили, что уровень ПТСР после Вьетнамской войны был искусственно завышен почти в три раза. И пособия по этому расстройству получило в 2 раза больше людей, чем участвовало в непосредственных боестолкновениях. Также была искажена картина совершения ветеранами войн преступлений, самоубийств, частота злоупотребления алкоголем, наркотиками, которая в реальности оказалась лучше, чем во многих штатах США [15]. Это – целенаправленное искажение реальности в угоду потребностям политических и экономических американских кругов. В процесс послевоенного вспомоществования ветеранов вовлечены огромные материальные и финансовые ресурсы. Миллиарды рублей выделяются государством на работу с теми лицами, которые страдают ПТСР и другими расстройствами. Стремясь получить финансовую выгоду, американские медицинские центры «накру-

чивают цифры» и через систему грантов распространяют их по всему миру. Всё это демонизирует ветеранов боевых действий и создает в сознании образ не героя – носителя и защитника национальных интересов, а психически травмированного, постоянно раздираемого чувством вины, стыда и бессилия, страдающего безудержной агрессией социопата, от которого нужно подальше убирать детей и прятать острые предметы.

На самом деле этот образ чрезвычайно далек от реального. Так, в нашей стране наряду с другими психологическими последствиями нередко проявлялись неимоверный рост душевных сил, мотивация к жизни, к творчеству стремление созидать лучший мир.

Б. Момышулы, объясняя этот феномен, писал: «Борьба за простые вещи: за свою жизнь, за свою семью, за свой народ, свою землю, свой язык, за жизнь частную, народную и государственную в безжалостной обстановке войны многих и многих мыслящих людей ..., сделала людьми простых слов и простых дел. Некоторые ... научились прямо смотреть в глаза фактам, анализировать их, быть объективными, не бояться говорить правду, рассуждать о государственных делах. Это значит, что война выковала на фронте и в тылу сильных людей, способных на собственные выводы о жизни частной и народной, без ненужной для общего дела профессионально-ведомственной дипломатии, иногда доходящей до лицемерия» [14, с. 93].

Именно поэтому после Великой Отечественной войны сотни тысяч участников ринулись в литературу. Разве можно сегодня мыслить нашу литературу без ветеранов войны (Э. А. Асадова, В. П. Астафьева, Г. Я. Бакланова, Б. Л. Васильева, К. Д. Воробьева, Ю. П. Германа, Д. А. Гранина, В. С. Гроссмана, Ю. В. Друниной, М. В. Исаковского, В. В. Карпова, В. И. Лебедева-Кумача, Ю. П. Нагибина, С. С. Наровчатова, Е. И. Носова, Б. Ш. Окуджавы, К. Г. Паустовского, А. П. Платонова, К. М. Симонова, Б. А. Слуцкого, А. И. Солженицына, А. Т. Твардовского, А. А. Фадеева, В. С. Пикуля и многих других)? Еще больше людей направились в кинематограф, стали великими актёрами, режиссёрами, сценаристами (например, В. П. Басов, С. Ф. Бондарчук, Н. Э. А. Быстрицкая, Н. А. Боярский, З. Н. Василькова, П. Б. Винник, Л. И. Гайдай, П. П. Глебова, М. А. Глузский, С. С. Гурзо, П. Е. Тодоровский, В. П. Заманский, Р. В. Зеленая, В. П. Кашпур, П. Б. Луспекаев, Ю. В. Никулин, А. Д. Папанов, М. И. Пуговкин, С. И. Росточкин, В. Я. Самойлов, А. М. Смирнов, И. М. Смоктуновский, В. И. Стрельчик, Г. А. Стриженов, Н. Н. Трофимов, Г. Н. Чухрай, В. А. Этуш, Г. А. Юматов и др.). Без этих фамилий невозможно представить современный кинематограф.

Третьи закалённые войной соотечественники стали известными учёными, в том числе психологами, создавшими новые направления психологической науки, интересные концепции (Г. М. Андреева, А. В. Барабанщиков, М. И. Дьяченко, В. И. Кириенко, А. Г. Ковалев, М. П. Коробейников, Е. С. Кузьмин, А. В. Петровский, А. Ц. Пуни, А. А. Смирнов, Е. Н. Соколов, Д. Б. Эльконин и др.), которые существенно обогатили психологическое сообщество страны и придали ему новую энергию.

Многие тысячи участников войны, ставших управленцами на разных уровнях местного и государственного управления, сумели сплотить смертельно уставших от войны людей и повести их на строительство мирной жизни.

Все это произошло благодаря тому, что ратный подвиг участников войны был по достоинству оценен государством и обществом, сами участники были признаны героями, приняты в послевоенный социум с высоким статусом «защитник Родины», и могли рассчитывать на безусловную поддержку со стороны государственных органов, профессиональных организаций и граждан страны.

Проведенный выше анализ поколения СВО позволяет прогнозировать, что после окончания военных действий, следует ожидать проявления высокой социальной активности всех сопричастных к нему.

Мифы о том, что война спускает человека вниз по линии эволюции, разрушаются нашей действительностью, но мы жадно цепляемся за американские яркие цитаты, типа таких: «Война убивает даже тех, кто выжил» [22].

Однако в целом ряде локальных исследований на небольших, но не одиночных выборках у участников боевых действий мы вообще не выявляем даже в скрининговых обследованиях тенденции к ПТСР.

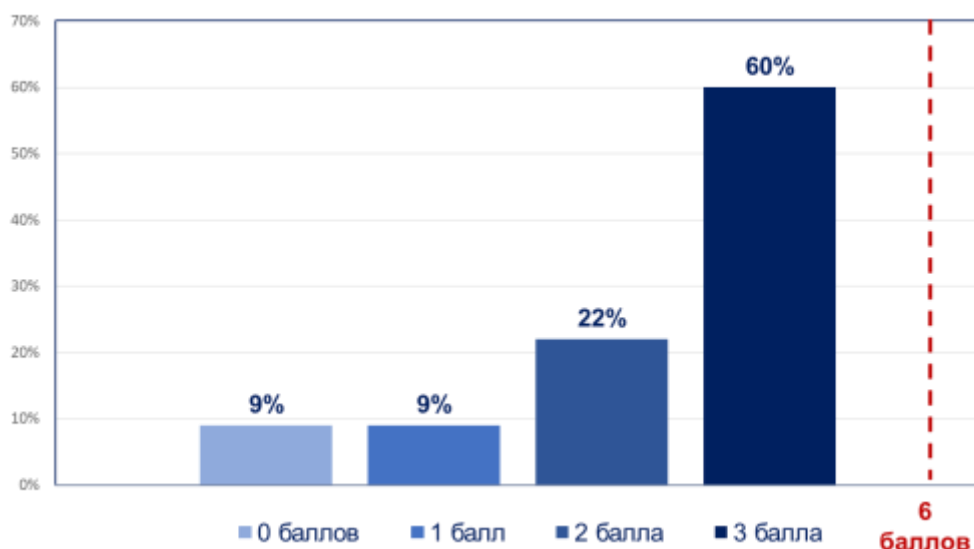

Рисунок 2 – Результаты скринингового обследования сотрудников силовых ведомств, принимавших участие в СВО (n=46)

Так, в исследовании 46 участников боевых действий, проведенном Т. П. Мильчарек и А. О. Шрайнером по методике «Опросник на скрининг ПТСР (Trauma Screening Questionnaire, Brewin C. et al., 2002)» (рис. 2) показал, что ни один из обследуемых не набрал критически важное количество баллов для установления у него риска ПТСР. Более того, при критическом значении в 6 баллов, максимальное количество баллов, набранных обследуемыми, составило 3 [13].

Активисты ООО «Открытое объединение психологов России «СоДействие»» на протяжении двух последних лет проводят интервью с участниками СВО в рамках акции «Сердце солдата». Взято уже около 20 таких интервью. Ни один интервьюируемый не сообщило том, что он переживает что-то, похожее на ПТСР.

Приведенные данные вовсе не говорят о том, что ПТСР нет. Оно есть и порой проявляется грубально. Но у незначительного количества участников боевых действий (по оценкам специалистов – от 3% до 11%).

Опираясь на выводы современных исследователей, например, М. Мэтьюза [24], мы выделяем в общей массе ветеранов войны по крайней мере три основных категории:

1. Лица, переживающие посттравматический рост. Те, кто в ходе боевых действий пройдя суровые испытания, травматические ситуации, вдруг почувствовали в себе ресурсы для решения более масштабных задач, для расширения горизонта своей жизни.
2. Лица, переживающие кризис реадaptации и ресоциализации – наибольшая по численности группа.
3. Лица, страдающие ПТСР.

Вопреки известной («мэтьюзовской») колоколообразной кривой, рисующей «идеальное» процентное соотношение между этими категориями, новые данные позволяют предполагать, что эти кривые будут далеко не идеальными. Подавляющее большинство ветеранов боевых действий в конечном итоге будут демонстрировать завидное психическое здоровье и высокую социальную активность.

Такое понимание психологических последствий участия в боевых действиях побуждает нас обратить внимание на то, что абсолютному большинству ветеранов боевых действий требуется не помощь психиатра, а психологическая поддержка, не лечебно-реабилитационные, а риадаптационные формы социально-психологического вспомоществования, не выписка хитроумных медикаментозных препаратов, а создание маршрутов, мест, видов активностей, обеспечивающих созидательную направленность энергии и активности поколения СВО. И общество здесь выступает не менее значимым объектом психологической работы, чем ветераны войны.

Опыт прежних войн показывает, что если государству, обществу удаётся обеспечить такую маршрутизацию энергии, удовлетворить потребности этих людей, то ветераны войны превращаются в могучую созидательную силу. Если же этому не уделяется должного внимания, то эта сила утрачивается для общества.

Известно, что у ветеранов боевых действий резко обостряется ряд потребностей, которые мы обозначили как «комплекс 4П»: потребность быть понятым, признанным, принятым и поддержанным [9].

Если эти потребности не будут в полной мере удовлетворены, возможна социальная самоизоляция ветеранов, их уход в криминал, алкоголизм, наркоманию, суициды, стремление перделелать социум по законам военной справедливости.

В связи с этим перед психологическим сообществом встает важная задача, связанная с подготовкой общественного сознания к встрече ветеранов, созданием в их семьях, трудовых коллективах, учебных и других сообществах риадаптирующей, т. е. понимающей, признающей, принимающей и поддерживающей среды.

Примером может быть создание в вузах тематических пространств (экспозиций, мемориальных досок, аллей памяти, именных аудиторий, отражающих позитивное отношение социума к ветеранам). Студенты активно вовлекаются в различные виды волонтерской деятельности, что сближает их с участниками боевых действий и облегчает их социальную риаинтеграцию.

В не меньшей степени этому могут способствовать мероприятия по вовлечению населения, особенно молодежи в просветительско-патриотические акции, нацеленные на формирование у них гордости Россией, готовности защищать её жизненно важные интересы.

Следует предусмотреть возможные ресоциализационные проблемы, с которыми могут столкнуться участники СВО в мирной жизни.

Мы условно обозначаем их как *статусно-ролевой кризис* (например, когда легендарный снайпер южного фронта должен вернуться в роль разносчика пиццы), *финансово-аастинентный кризис* (когда «финансово благополучный» военнотружаший на «гражданке» вновь становится малоимущим), *семейно-рииаинтеграционный кризис* (когда в семье встречаются и не могут адаптироваться друг к другу представители войны и мира), *ценностно-ориентационный кризис* (переход из ценностно-однородного, военного социума, в ценностно разнородный мирный социум) [9].

Ресоциализационные проблемы могут испытывать и волонтеры, и работники предприятий, и переселенцы из районов военных действий. Все они справятся со своими сложными жизненными проблемами самостоятельно, так устроена человеческая психика. Но с помощью психологов это может произойти легче и быстрее. И эта помощь нужна им для того, чтобы направить все силы на единение и побуждение нашего общества к созидательной послевоенной деятельности. В этих вопросах психологам необходимо активное взаимодействие с фондом «Защитники Отечества», с организаторами проекта «Время героев», с многочисленными инициативными коллегами на местах, во всех регионах нашей страны.

Как отмечает президент России В. В. Путин, «консолидированная воля миллионов людей – это колоссальная сила, свидетельство нашей общей твердой уверенности, что судьбу России мы будем определять сами и только сами – ради сегодняшних и будущих поколений» [4].

Проведенный выше анализ социально-психологических последствий СВО позволяет уверенно предположить, что ядром этой консолидированной силы станет новая элита нашей

страны, то есть поколение СВО, люди, которые честно и добросовестно служат России и совместно создают её будущее.

История знает, как после некоторых войн целые поколения превращались в «потерянные», выпадали из социальной жизни, превращались в изгоев общества. Важнейшая задача российского психологического сообщества состоит в том, чтобы не только не допустить «потери» поколения СВО, но и сделать его локомотивом нашего будущего.

Литература

1. Базаров Т. Ю. Формула счастливой организации: от любопытства к мудрости. URL: https://vk.com/psy_su (дата обращения: 20.12.2024).
2. Барабошина Н. В. К методологическому обоснованию понятия «хронотоп» // Вестник ОГУ. 2012. №7 (143)/июль. С. 244. С. 243–247
3. Бахтин М. М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. СПб.: Азбука, 2000. 301 с.
4. Владимир Путин вступил в должность Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73981> (дата обращения: 21.12.2024).
5. Глава Росмолодежи рассказала, кто может стать волонтером в новых регионах. URL: <https://www.pnp.ru/social/glava-rosmolodezhi-rasskazala-kak-volontery-pomogayut-vo-vremya-svo.html> (дата обращения: 23.12.2024.).
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
7. Дяткин Ж. Хорватский галстук. Нарциссизм малых различий и процесс цивилизации // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 299–314.
8. Зинченко В. П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М., 2000.
9. Караяни А. Г. Психологические последствия участия в боевых действиях: «не ПТСРом единым» // Российский военно-психологический журнал. 2023. №2. С. 75–83.
10. Караяни А. Г. Тактико-психологические принципы и методы подземных действий в современных войнах // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3 (28). С. 83–91/
11. Караяни А. Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к служебно-боевой деятельности в условиях применения противником БПЛА и цифровых средств слежения. В сборнике: Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023). Материалы международной научно-практической конференции. Под редакцией Ю.А. Шаранова, В.Л. Ситникова. Санкт-Петербург, 2023. С. 368–373.
12. Караяни А. Г., Кулешов Д. О. Гезелл-состояние у участников боевых действий с применением БПЛА и дистанционных средств наблюдения // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2024. № 14. С. 100–105.
13. Мильчарек Т.П., Шрайнер А.О. Взаимосвязь типа реакции на стресс с мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач у военнослужащих, участвующих в боевых действиях // Российский военно-психологический журнал. 2024. №3. С. 33–46.
14. Момышулы Б. Психология войны. Алматы, 1996. 176 с.
15. Мур А. Б., Хоупвел А., Гроссман Д. Поле битвы: насилие и воин // Теория и практика западной военной психологии / Под общ. ред. С. Э Зверева. СПб.: Алтея, 2021. С.47–49.
16. Остапенко А.А. Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «попраношечного» // Культурно-историческая психология. 2010. Том 6. № 1. С. 2–6. С.3.
17. Путин озвучил протяженность линии фронта в зоне СВО. URL: https://aif.ru/politics/putin_ozvuchil_prottyazhennost_linii_fronta_v_zone_svo (дата обращения: 18.12.2024).

18. Путин назвал участников СВО опорой страны. URL: <https://ria.ru/20240530/voennye-1949423832.html> (дата обращения: 20.12.2024)

19. Съезд партии «Единая Россия». Владимир Путин принял участие в заседании XXI съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73013> (дата обращения: 10.12.2024).

20. Ухтомский, А.А. Доминанта души: из гуманитарного наследия / А.А. Ухтомский. Рыбинск: «Рыбинское подворье», 2000. 608 с.

21. Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996.

22. Хельгасон Х. Советы по домоводству для наёмного убийцы / Перевод: Сергей Таск. М.: Астрель Corpus, 2010. 288 с.

23. Horn B. The worm revisited: on examination of fear and courage in combat. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo5/no2/leadersh-directio-eng.asp> (дата обращения: 22.12.2024).

24. Matthews M. D. (2014). Head strong: How Psychology revolutionizing War. N. Y.

25. Strauss W., I Howe N. (1991) Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. Morrow, 1991. 538 p.

WAR CHRONOTOPE AS A METHODOLOGICAL OPTIC FOR ANALYZING THE GENERATION OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Karayani A.G.

Military Order of Zhukov Academy of National Guard Forces of the Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of socio-psychological characteristics of the generation of special military operation through the prism of the theoretical construct “chronotope of war”. It is proved that the military generation will constitute the elite and the main creative force of the post-war Russian society. The tasks of the Russian psychological community in building the future of Russia are substantiated.

Keywords

chronotope, chronotope of war, generation, generation of special military operation